

О романе Роллана Сейсенбаева "Мёртвые бродят в песках"

Неожиданную, многодумную поэтико-философскую работу создал казахский литератор Роллан Сейсенбаев, с кото-рым мы когда-то посеща-ли в Москве Высшие ли-тературные курсы. Ни-что не выдавало в нашем приятельстве, что так глубоко, мужественно по-гружен он в самую серд-

Владимир Личутин

Куда ты мчишься, огненный конь?

цевину казахского бытия, в древнюю почву своей родины, чтобы с редким сострадательным чувством вывернуть из глубины полузабытые пласты былой жизни дорогого ему народа. Был Роллан всегда улыбки, внимателен, дружелюбен в речах и поступках, лишь в глазах задумчивого, погруженного в себя казаха постоянно сквозила печаль. Был, вроде бы с нами, но и где-то в стороне, в своём непостижимом для нас мире. Был он смугл, по восточному красив, представитель другого мира, но по наивности, по малоработности моей в те времена я и представить не мог, что мы – люди одной крови, далеко, увы, отшатнувшись во времени потомки Аяфета. Нова сына, кому праотец (по Ветхому Завету) отдал во владение Восток и Север. Первый поток двинулся в неизвестность через Кавказ, на Алтай, оттуда на Иртыш, Енисей, к устью Лены, к степям Монголии, на реку Амур...

построен на догадках и мифах, наверное, никто из русских учёных серьёзно, плотно, глубоко не занимался историческими "свитками", хранящимися под спудом не в артефактах (черепах и косточках), но в мистической памяти народа, не посвящая этому свою жизнь; на-верное, останавливает сложившееся в учёном сообществе недоверие к происхождению русско-го народа, которому обрызгают "его жиз-ненный путь" мыши и тараканы, ядовитые змеи и коварные скорпионы западного толка, лишают великий народ древнего начала, вну-шают слабым духом, что "ничего любопытного не случилось, потому что не могло быть", ибо

Куда ты мчишься, огненный конь?

их понимание истории человечества привязано к эллинской культуре, к угро-финнам, к германцам, древнему Риму, к Моисею и Вавилонской башне с тираном Невродом; что-то подобное, необычное, конечно же, не могло случиться в варварской, косной России, в её "короткой и невзрачной истории"; но ведь что-то подобное великому безусловно происходило на русских пространствах и открывается нам из-под спуда небытия крупицами, нехотя, с превеликим трудом, без гласования наследни-ка рода на столь быструю их забывчивость. (Свидетельствами этому: город Аркаим второ-го тысячелетия до нашей эры, русское коро-левство со столицей в Ростове Великом, ко-гда древнего Рима и в помине не было, поселения на Алтае и в устье Лены, белоку-рые предки киргизов, развалины скифских бе-локаменных городов в Крыму, в верховьях Се-верского Донца и Хопра, наши былинки и старины – изустный свод памятных событий; записано двести томов.) Да и Роллан, когда работал над многолет-ним трудом, в историю человечества, наведе-ное, остерегался глубоко, неоглядно погру-жаться, боялся "утопнуть", но уверенно вёл истоки казахов от кипчаков, саков, тюрков... и от скифов; да и исследовал-то Сейсенбаев не "послепотопную" историю, а наши безрассуд-ные трагические времена. И мне бы здесь тоже не место и не время уходить в исторические "раскопки", но взгляд невольно остановила прекрасная легенда о скифском воине Иманбеке, которую писатель вспоминает в романе довольно часто с восхи-щением к жертвенному мужеству предка, с лю-бовью к герою. Писатель восторгается герои-ческим сказом об Иманбеке, которому по приказу персидского царя Дария выкололи глаза. Ослепленный скиф Иманбек пожертво-вал внешним светом ради света внутреннего, духовного, и вызволил из плена друга своего;

он до конца дней земных жил на берегу Сыр-дарьи, и стал сказителем, святым пророком, героем сказаний, акыном, посланником Алла-ха, невольным нравственным водителем по исторической жизни казахского племени. Истовые почитатели Иманбека воздвигли ге-рою мавзолей из белого тесаного камня, и до-несли его имя в синодик святых... В те до-сольные времена заселились на небесах и становились Богами совершенно простые лю-ди, отмеченные печатью Создателя. Но ведь и мы, русские, ведём свой род от скифов-ариев. Об этом писал в восемнадцатом веке Михайло Ломоносов и теперь учёными этот факт не оп-

Куда ты мчишься, огненный конь?

ровергается. ("Да, скифы мы!" – восклицал Блок.) Русские и казахи – дети пространства, их природу выковал размах вольных земель, по-тому одинаково их мирочувствие, простота, доверчивость и душевная цельность. О войне персов с древними скифами повесту-ют и русские летописи; кстати, историю на-рода "чужд белоглазая" Ломоносов вёл от се-верных скифов; художественные артефакты из бронзы и золота, найденные в пермском крае, – свидетельство высокой культуры од-нажды исчезнувшего народа, родственной Египту и Элладе. И Роллан Сейсенбаев, не ка-саясь общих исторических корней, не раз на-поминает по ходу романа о духовной близости русских и казахов. "Ну чем не русский человек, – вдруг подумал Шараев против своей воли (слушая песню Насыра), и тёплое близкое чув-ство шевельнулось в нём, и стало расти к это-му крепкому невысокого роста казаху. – Ведь и эти люди, простые казахи, такие же широкие душой, как и мы, русские". "У меня кости русские, а мясо на них казах-ское", – признается один из героев романа. "Не будь сыном своего отца, а будь сыном своего народа", – говорил великий Абай, глядя в сторону великой России, озабоченный увя-данием казахского племени, придавленного обширными степями, прозябающего в быстро утекающем времени. Так живёт отросток юной ёлочки, угодивший в ветровал под павшее за-мшелое дерево. Дышать, вроде бы можно, а жить нельзя; корень с натугою дышит, а вер-шина чахнет. "Национальность для каждого племени есть рок его, судьба его", – в лад ему вторил фило-соф Василий Розанов, размышляя о роли пле-мени. Только чувство своего рода возвращает достойного человека, в котором живёт "наци-ональная почка", готовая выкинуть спаситель-ный добрый росток. (окончание на стр. 8)

Из цикла "Национальная идея" Беседавал Алексей Шорохов

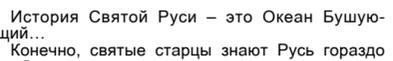
– Тимур Касимович, мне давно хотелось погово-рить с вами о русском народе – и не только потому, что в вас промыслительно соедини-лись две арийские крови, две великих реки: ве-ликорусская и таджикская... Но и потому, что у вас теперь есть возможность с высоты сво-ей жизни, с высоты своей памяти, с высоты Памура, наконец, и времени, прожитого вдали от России – взглянуть на любимый вами рус-ский народ как-то иначе, может быть полнее, может быть определённое... Как вам теперь видится: кто такие русские – из глубины веков и сегодня? – Как приятно читать мудрые вопрошанья пи-сателя и гражданина, а не лукавые вопросы журналиста. Дорогой Алексей! Ходжа Насред-дин сказал: "Один писатель стоит тысячи журналистов... Писатель – это глубинный язык народа... А журналист – блудливый язык власти... Потому писателей и не пускают на ТВ и СМИ, а говорят, что писатели утратили влияние на ду-ши людей... Но вернёмся к ва-шим вопрошаниям... Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ

временников? О чародеях русского седого слова Александре Стрижове и Владимире Личутине, о тульском писателе-мудреце, наследнике Толстого, Серге-е Овчинникове, о гениальном композиторе Вя-чеславе Овчинникове, о выдающихся поэтах Михаиле Ерёмине и Татьяне Смертиной, о худ-ожниках иконописцах Артемьеве и Мухине, о дивных певцах Елене Сапоговой и Лине Мкртчян... А ведь чужбесный шоу-бизнес заживо засы-пает их песком забвения... А мы смиренно молчим!... А другие не молчат!... Однажды прошёл слух, что я – бухарский ев-рей... О Боже! В какой океан любви, нежности, внимания и понимания я окупился!.. Жаль, что это счастье было быстротечно... И вновь я оказался в бескрайнем русском по-ле, где с горечью произнёс вот эти стихи: Если ты родился русским на Святой Руси, То не будет тебе счастья, То не будет тебе воли, Как ни голоси... И куда ни колеси...

"И когда ж мы полюбим, русские – русских?.."

Что я думаю о Русском Народе?... Что думаю муравей, ползущий по пирамиде Хеопса?... Что может сказать человек, бредущий с пла-вои воды вдоль бушующего океана?... История Святой Руси – это Океан Бушую-щий... Конечно, святые старцы знают Русь гораздо глубже и дальше меня... Но мой тысячелетний герой Ходжа Насреддин, который беседовал с царем Соломоном о Муд-рости... С Конфуцием – о Государстве... С Чингисханом – о Войне... С Ганди – о силе Ненасилия... Со Сталиным – об Империи... И видел возвышение и падение многих царств и народов, нынче бродит на седом осле по ны-нешней Руси... Ему-то я и внимаю... Он-то и вдохновил меня на создание многих философских-публицистических поэм о России... Перечислю некоторые: "Свеча Русской Люб-ви", "Часы Святой Руси", "Тринадцать огненных коней", "Великий Советский Ренессанс", "9 Мая 1945 года", "Сталин в горящих лесах"...

Счастье будет только в небесах... И ещё я запел свою песню: ...Мне приснилось, что я еврей, Все вокруг меня любят и ценят, Мне открыты стони дверей, И в кармане у меня тыщи денег... Я проснулся в осмязлой, трухлявой избе, На столе – недолгий стакан с трёхрублевой закуской... Уже тысячу лет никто не стучит в мою одинокую дверь, Потому что я русский... Потому что я русский... А за окном – пьянь да цыганская реань, В дверь стучится лишь ветер осенний... Я – поэт!.. Но я имя своё позабыл... То ль я Пушкин, А то ли Евсений?.. Я проснулся в кривой беспрудной избе, На столе уже нет ни вина, ни закуски... Уже тысячу лет никто не стучит в мою дверь, Потому что не любит русского русский!.. И когда ж ты полюбишь русского, русский?.. И когда ж мы полюбим – Русские – русских?!

Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ

О романе Владимира Казарезова "Фермер"

В этом многоплановом трехтомном романе нет остросюжетных ходов, любовных треугольников, экстрима криминального и сексуального толка и

Иван УХАНОВ

Выйти из тупика

всего того, чем большинство нынешних бепле-ртристов насыщают свои творения, стараясь завлечь читателя. Автору не понадобилось на-туго трудить фантазию, искать изощренные формы подачи изображаемого, потому что ма-териал романа сам по себе чрезвычайно увле-кателен, фактурен, многоцветен, и создавался он почти всюю долгой жизнью Владимира Ка-зарезова, известного публициста и прозаика из Сибири, назвавшего это новое свое произ-ведение очень уж просто, по нынешним вре-менам, как-то бесечно антирекламно. "Фер-мер"... Многих ли привлечет такое оглавление книги? Однако малая, хотя и справедливая претен-зия эта к автору сразу же забывается при че-тении романа, тонет в широком половежье жи-зни, в столкновении умов, идей, характеров людей разных профессий и служебных рангов, горожан и сельчан, губернаторов и депутатов, министров и рядовых пахарей, целомудрен-ных девиц и патентованных проституток... Главным конфликтом в романе разворачивает-ся между теми, кто желает выращивать хлеб, быть хозяином на родной земле и теми, кто вытравляет из них, крестьян-кормильцев на-ших, это жизнестворящее желание. Благо, что вечную тему хлеба насыщающего автор осмыс-ливает в новом свете, опираясь на конкретные реалии, на вековой опыт жизнедеятельности российского крестьянства, не повторяя того, что писали и говорили писатели-деревенщи-ки, которые, казалось бы, до самого конца века вычерпали народное горе XX века.

О романе Владимира Казарезова "Фермер"

Автор конкретно, дотошно знает все соци-ально-экономические аспекты аграрного дела, все извивы психологии земледельцев, живет их радостями и заботами, отважно заступаясь за них везде и во всём. Потому написанное им глубоко личностно, ибо услышано, увидено, выстрадано. Казарезов помнит и понимает, что догматически крепкие принципы социали-стического строя подчас понуждали писателей обслуживать идеологию власти, лишь некото-рые из них осмеливались сказать правду о трагедии русской деревни. Владимир Казарезов сегодня без утайки договаривает недоска-занное ими. Главным персонаж романа Владимир Нови-ков – истинный герой нашего времени, живет на огромной скорости, велика и патристична сила сцепления его судьбы и дел государст-венных. Конструктивны и глобальны его пре-образовательские проекты, праведна энергия его дел и мысли. Однако пути к добротворчеству на благо Отечества приходится прокладывать ему че-рез рутину бюрократии и завалуированный са-ботаж антинародных сил. А силы эти немалые. В романе подробно описана корпоративная встреча крупнейших российских землевладельцев, долларовых миллионеров. Парадокс, но... все выступаю-щие говорили не о том, чем они должны бы за-ниматься, а о том, как укрепить контроль за депутатами-законодателями, как усилить своё влияние в законодательской сфере. Будто не земледельцы-бизнесмены, не земледельцы собрались на свой форум, а депутаты про-фильных комитетов Госдумы. Объявился сре-ди выступающих и взворававшийся депутат и стал увещевать и как бы оправдываться: "– Вам бы, господа, молиться на наших зако-нодателей. Нигде в мире нет такого либераль-ного закона о земле, позволяющего одному че-ловеку сосредотачивать в своих руках сотни тысяч гектаров земли. Но рано или поздно зе-мельное законодательство, благодаря которо-му вы стали крупнейшими землевладельцами, будет, пожалуй, изменено. И вам важно, чтобы это произошло как можно позже. – Вот именно! Нужно заинтересовать тех, кто эти законы принимает, – поддержал оратор очередную выступающий. – Нам продер-жаться бы ещё несколько лет, а там – пусть меняют законы. Земля уже будет поделена. – Нам надо раскошелиться, господа. Надо через средства массовой информации вне-дрять в сознание людей мысль: чем крупнее производство, тем оно эффективнее. Нужно всячески поощрять пишущую братию, обя-зательно конкурсы, представлять журналистов, пи-сателей, артистов к государственному награ-дам. Работать наступательно и изобрета-тельно. И не скучиться... Но и не перебор-щить. Не надо пытаться формировать образ крупного землевладельца как положительный. В России этот номер не пройдет, вызовет лишь шквал контраргументов. И не нужно в любовную развенчивать Чаянова и Столыпина, считавших, что крестьянские хозяйства эф-фективнее гигантских холдингов и комплексов. Тут нужны не камерные ученые дискуссии, а средства "массового поражения". Газеты, теле-видение... Знайте, пока идеи Чаянова и Столыпина владеют массами, мы не сможем чувствовать себя уютно". Лишь небольшая дискуссия вызвал о бога-тых землевладельцев-единомышленников разговор о социальной политике на селе. "– Население деревни – не наша проблема.

О романе Владимира Казарезова "Фермер"

Мы наладим достойный быт только тем, кто будет работать на наших мегафермах. Жилье, детские учреждения, школы, хорошая зарпла-та – всем этим обеспечим. – А куда деваться остальному населению? Разбежаться, разехать, расселиться, что-бы не умереть с голоду близ наших агрогород-ков?... Мы должны хорошо подумать, на что за-мываемся, господа, какой может быть реакция общества на это?... Ведь во всем мире крестьяне живут в небольших деревнях. Евро-союз даже поощряет создание малых ферм. А мы мегафермы создаем. А кто будет обраба-тывать небольшие поля, где наши мощные "Джон-Дирамы" и "Классы" не смогут развер-нуться?... И потом – экология. Ведь ферма в несколько тысяч коров или в сотни тысяч сви-ней – это же смертельная угроза окружающей среде. И где же тогда нам добывать экологи-чески чистую продукцию? – Стоп, стоп, господа! Наша дискуссия при-нимает неожиданный и весьма нежелатель-ный поворот, – остановил оратора председа-тельствующий... "Этому форуму могущественных российских латифундистов, их силе и цинизму, противосто-ять почти невозможно. Но знатный фермер Владимир Новиков непреклонен. "– Они хотят доказать, утвердить, что огром-ные мегафермы и холдинги – единственно возможный и правильный путь развития на-шего сельского хозяйства. А ты доказываешь обратное, – возражает его друг. – Особенно их бесит безупречность нравственной пози-ции твоей. Ведь ты – живой пример того, что обустроить деревню можно и по-твоему. И не скрываешь своих планов. Но латифундисты не согласятся с тобой. Поэтому, если ты намерен и дальше развиваться, прими их пра-вила игры... – С волками жить, по-волчьи выть? Никогда!.. Владимир Новиков потрясен вопиющей не-справедливостью: у народа российского не-объятные просторы с богатейшими недрами и плодородными землями, великими реками, ле-сами, но работать по совести и уму на этих ни-вах людям не дают. Оттого страна почти всегда пребывает в продовольственной зависимости, импортируя из-за рубежа то, что сама вполне могла бы экспортировать. Новиков знает, что и как сделать, чтобы зе-мля стала вдвойне кормить и радовать своих разделетей. Земля ведь – это женщина, она хо-чет, чтобы леяла, любил её один, а не все, кому как вздумается, кто во что горазд. У книги имеются и недостатки. Обилие фак-тического материала, отмеченное мною как несомненное достоинство произведения, в не-которой степени иногда стесняло автора в ра-циональной организации композиции и сюже-та: повествование, перегруженное вроде бы обязательными сценами и событиями, подчас тормозилось, отяжелялось, художественный регламент его не всегда соблюдался, разруш-лялся, читательское восприятие ослабевало. Имеются в виду диалоги и монологи персона-жей о вчерашних и нынешних экономических, политических и нравственно-этических про-блемах в России. Сожаление вызывает очевидная халатность издателя: обложка книги представляет собой заурядный рекламный плакат сельхозхозяй-ственной тематики – под синим небом колосится хлебное поле. Невзрачным шаблонным шриф-том обозначены имя автора и название книги. В целом же роман впечатляет своим мас-штабом, богатейшими реалиями современнос-ти, их вселенской актуальностью, пророческим видением автора завтрашнего дня, острой тревогой за судьбу российского поля.

О романе Владимира Казарезова "Фермер"

– Я не случайно спросил об этом именно вас – страница и беседренка. Ибо вышла на свет Божий за последние десятилетия разру-хи и порухи на Руси целая порода мужичков, уз-коколых, с цепким взглядом, небольшого рос-точка, которые, кажется, чуть ли не официально получили в откуп само понятие "русскости" и патриотизма. Похоже, это дети и внуки тех самых мужичков, описанных Юрием Казаровым, что даже из Великой Отечественной войны ухитрились сделать прибыльное дельце, а по её окончании вывеливали на при-лавки антикварных магазинов целые мешки де-нег и покупали ажурные великокожешские ру-жья дамасской стали, ковыряясь в хрупких столах заскорюзлыми негнущимися пальцами... Бог с ними и их нечистоплотными делишка-ми и гешефтами на патриотизме, но ведь они, укладывая очередную мешок с нажитками в ус-ловное запельче, ещё и на словах (как бы в сво-ей оправдание) пытаются сегодня отсечь от России и русскости, скажем, Андрея Тарковско-го (которого не понимают), Арсения Тарков-ского (которого, скорее всего, и не читали), художника Филонова, композитора Скрябина – в общем, всё то цветущее и неопикуемое мно-гообразие русскости, которое дал XX век... А может они правы: и, действительно, сегодня пришло время отсекать всё лишнее, беспри-ютное, непонятое, так сказать, "непродуктив-ные активы" русского народа и русской цивили-зации, – дабы уткнуться в тёплое запельче за-щелье со щами и барышом, и там под рюмоч-ку и девдовские песни переждать бури и сквоз-няки века нового? – Что же тревожит моего старца?.. Что же он думает о Русском Народе?.. Вот его ответы... Произошло самое страшное. Русские люди перестали любить друг друга... Оскудели любовью... Свеча русской любви угасает... То ли от бесконечных войн и революций... То ли от необъятных неухоженных про-странств, где русский человек чувствует себя си-ротой... Русское одиночество – самое великое в мире... Мы, русские, перестали помогать друг другу, перестали подирать друг друга... Только в окопах войны сохранились ещё рус-ская братская любовь и солидарность... Но даже нынче, в окопах патриотизма, русские бранятся с русскими... О! Господь, дай нам силы перестать воевать друг с другом в стане внутренних и внешних врагов!.. Вот мы – люди культуры, восхищаемся ли мы своими собратьями?.. Или у нас уже полностью убит инстинкт восхи-щения?.. Кто из нас воскричал о наших талантливых со-

Большой терроризм порождает малый... Почему терроризм только "мусульманский"? Потому что террористы идут на смерть с имен-ным Аллаха?.. А когда американцы бросали атомные бомбы на Японию, разве они не крестились?.. Разве они не призывали на помощь Святую Мадонну? Тогда почему это не называлось "христиан-ским терроризмом"? А когда нынче Большим Террором США и НА-ТО уничтожаются целые страны: Вьетнам, Ко-рея, Югославия, Ливия, Ирак, Ливан, Сирия, Сербия – то почему это не называется "протес-тантским терроризмом"? Да!.. Вот она – блудливая двойная игра словес и смыслов... Да!.. Пока будет бушевать костёр Большого Терроризма США и НАТО – от него будут отле-теть угли мелкого терроризма... Увы, это закон Жизни и Смерти... Закон Бытия и Небытия... От Большого Террора погибают беззащитные народы... А от Малого Террора – безвинные пассажиры в метро... Да!.. Террористов надо искать прежде всего в Домах Власти, а не только в лагулах бедняков... На снимке: епископ Питирум вручает Тимур Зулфикарову сумку дервиша

О романе Геннадия Рязанцева-Седогина "Становящийся смысл"

Заканчивается служба в храме. К священнику подходит женщина в кле-зах и рассказывает, что её ма-ленькому ребёнку поставили ди-агноз – острый лейкоз. Женщи-на плачет и по-стоянно спраши-вает, за что Бог наказал её сына, почему это слу-чилось не с ней, не с её мужем или кем-то другим. Священник слушает её молча. Он,

Со всей любовью...

конечно же, знает ответы на все эти вопросы и умеет рассуждать на тему промысла Божия, вины родителей, жизни будущего века. Но он понимает, что если начнёт го-ворить об этом раздавленной горем женщине, все эти правильные слова станут ложью. А ещё он понимает, что у него только один выход в такой ситу-ации – идти с этим человеком в его ад, "со всей любовью, со всем состра-данием, на которое ты только спосо-бен, идти в жизнь, как друг, как отец, как священник.

Со всей любовью...

Надо этого человека выделить, как единственного сейчас в твоей жизни, как самого родного, самого дорогого и близкого". Эта сцена из романа Геннадия Рязанцева-Седогина потрясающе точно выражает лейтмотив всей книги: по-мощи человеку можно, только взяв на себя его боль в реальной жизни. И вот перед нами проходит люди – девушка, забеременевшая от большо-го СПИДом парня и желающая обвен-чаться с ним; влюблённый юноша на грани самоубийства; насильник и

Со всей любовью...

убийца, желающий исповедоваться в тюрьме; вечно пьяные мужики и же-нщины, на грани святости и распутства – страшный злобный мир, освещён-ный тёплым любящим взглядом лири-ческого героя, человека доброго, но зачастую раздражающегося, вообще-то сильного, но порой очень слабого. Но всё это – лишь один пласт романа. На другом – рассуждения героя о судьбе России, о церкви, о Достоев-ском. Впрочем, эти рассуждения в романе не самоцель: сквозь них проходит линия напряжённой борьбы священника за сердце потерявшего веру сына. И очень характерно, что победа в этой борьбе одерживается не в философ-

Со всей любовью...

ских разговорах, а даётся отцу после тяжёлой болезни – достигается прак-тически ценой собственной жизни. И это тоже в духе лейтмотива книги. Несколько лет назад в литературном сообществе активно обсуждался ро-ман Антона Понизовского "Обращение в слух", в котором реальные истории множества русских людей так же пере-мешались с рассуждениями о русско-м характере, вере, о Достоевском (!) и т.д. Многие текст Понизовского был признан удачей – о нём говорили, как об интеллектуальном романе о России. Однако если вы сравните эти два произведения, то увидите, на-сколько "Обращение в слух" рассудоч-но и холодно, насколько оторваны ин-теллектуальные рассуждения его ге-роев от настоящей жизни. В романе "Становящийся смысл" – всё иначе. Истории реальных людей органически сочетаются с напряжён-ными мыслями героя о вере и о стране – и те, и другие пронизаны одной любовью, за теми и за другими стоит единый образ лирического героя – и те, и другие суть сама реальная жизнь в её глубине, а не бездушный слепок с неё или абстрактное умничанье. Это тот случай, когда интеллекту-альная составляющая произведения не оторвана от его сюжетной канвы, а напротив – слита в единое художест-венное высказывание, воздействую-щее и на разум, и на сердце читателя.